

ЛИЛИТ СЭЙНТКРОУ Амбиции

«Я могу изменить тебя». Он наклонился вперед, и его губы заскользили по моим; дыхание распространяло аромат мяты и вожделения, а волосы были цвета шоколада и меди. Потом он прижался своим лбом к моему.

Временами я задумываюсь: что бы произошло, если бы я сказала «нет»? Но он приник ко мне, обнял рукой за плечи; наши головы соприкасались, а мысли унеслись куда-то очень далеко. Он был великолепен и обращался со мной, будто я ему принадлежала. То, что стоял невыносимый холод, всю меня парализовал страх и в горле словно горел бензин, значения не имело. Важно одно: он выбрал меня.

Меня!

И я сказала «да».

А какая девушка не сказала бы?

— Боже! — Гвинет лежала на скамейке; пышные волны ее золотистых волос касались дерева, покрытого пятнами тени. Здесь, под смоковницами, было одно из самых желанных мест для обеденного перерыва. — Это никогда не кончится! Я останусь в ловушке до конца жизни.

— Можно не ходить на пятый урок. — Я крепко обхватила свои голые коленки. Под ними ощущалась приятная тяжесть школьной сумки — способ избавиться от неприличного желания проникнуть на бал в юбке. Сдвоенные струпья — следствие катания на роликах — были грубо залеплены кусочками пластыря. Быстрым боковым движением колена я сдвинула вверх свои очки. — Домашнее задание у меня сделано. Так что мы сможем появиться там в удобное время.

— Но я должна переодеться. — Голубые глаза-васильки поморгали. Вытянув руку, она оглядела свой французский маникюр. — И я не могу идти вот с этим.

— Школьница всегда с этим.

Кроме того, у меня нет ничего, во что можно переодеться. Я изо всех сил старалась не пресмыкаться. Но иногда мне приходилось уговаривать Гвин сделать даже то, чего она хотела сама.

— С извращениями. — Она снова вытянула руку. — Давай прокосим и четвертый. У тебя ведь и это домашнее задание тоже выполнено, верно?

Она имела в виду: есть ли у меня что-нибудь, что мы могли бы сдать обе? Было. Однако существовала одна проблема.

— Сегодня опрос.

Я сгорбилась, плечи превратились в острые выступы. Тень — это хорошо. Ветер, налетавший со стороны поля для игры в лакросс¹, приносил острый запах воды из поливальной установки, насыщенной химическими удобрениями. Молли Фенуик, Триша Брент и вся честная компания сидели на освещенных солнцем скамейках, сняв куртки и настолько расстегнув блузки с круглыми отложными воротниками, что обнаженная часть тела выглядела вызывающе. Митци Холленвейдер что-то рассказывала, а слушатели оживленно жестикулировали и выкрикивали фразы типа «Боже мой!», совершенно не задумываясь о том, слышат ли их высказывания преподаватели.

Украшенная вышивкой эмблема на моей куртке царапнула меня, когда я потерлась подбородком о неповрежденную часть правого колена. Шпильки, удерживающие сзади туго закрученные волосы, вызывали боль. Одно из правил Сент-Криспина: каждая пуговка застегнута, выбившийся волосок приглажен. Локонам Гвин подходило такое обращение: они послушно укладывались именно так, как она хотела. А мои всклокоченные темные лохмы

¹ Lacrosse (англ.) — игра в мяч индейского происхождения: две команды — каждая по 10 человек — пытаются забросить мяч в ворота противника с помощью клюшки (crosse). Проводится на травяном поле, популярна среди женщин. — *Здесь и далее — прим. перев.*

всегда находили способ вырваться на волю, что бы я ни применяла для их укрощения. И я всегда уходила бы домой с замечаниями по этому поводу, если бы не умела расположить к себе преподавателей.

Я им нравилась. Взрослые обычно любят меня.

— Черт побери! — Она опять потянулась. — Значит, мы проходим опрос и сваливаем, так?

— Ловко.

Оно так и было. Брат Боб — он хотел, чтобы его так называли, — притворялся, что не любит мальчишек. Большая игра: он сделал соответствующее заявление директрисе и епископу, которые принимали все важные решения. По слухам, он застрял в женской школе, потому что ему нравились свойства других детей. Как раз мальчиков. Другой католической плоти.

Вы можете подумать, что у нас было о чем посудачить с Братом Бобом. Но он «работал» полицейским осведомителем, и его стремление усвоить максимальное количество сленга роли не играло.

— Хорошо. Что будем делать? — Она уже начала беспокоиться.

— Что-нибудь придумаем. Мы же всегда находим выход. — Ветер шевелил мои волосы, скользил по коленям. — Вероятно, нам повезет.

Раздался звонок: второй завтрак подошел к концу и свобода закончилась. Все зашевелились. Митци, поглядывая на нас, завершила свой рассказ. Ей всегда хотелось ходить на четвертый урок вместе с Гвин. И момент реализации этого желания, возможно, приближался, поскольку я очень долго — начиная со второго класса — считалась лучшей подружкой Гвин. Это становилось утомительным, и Митци предвкушала, как она переманит ее в свою многочисленную компанию. Если сумеет избавиться от меня.

Гвин встала на ноги с таким стоном, будто прожила на свете не шестнадцать лет, а все сорок. Колени у нее были гладкими, волосы легли на место после нескольких энергичных движений головой, и теперь она балансировала на одной ноге, а другую поставила на скамейку, чтобы смахнуть воображаемую пыль со своих блестящих туфелек «Мэри Джейнс»¹. Они всегда были отполированы.

Я приподнялась со скамейки и почувствовала в животе что-то вроде судороги. Гвин схватила свой пакет для завтраков и туго его свернула. А там еще оставалась половина сэндвича.

— Мы придумаем что-нибудь, — повторила я.

— Гвинет! — окликнула ее Митци. — Эй, Гвинет!

— Боже! — полушепотом произнесла Гвин. — Ее голос сверлит мне мозг. — Постережешь мое место на четвертом, ладно?

Можно подумать, кто-то другой захочет сесть рядом со мной.

— Конечно. Приятного развлечения.

— Да, хорошо. Пойду узнаю, что надо этой чувихе.

Одарив меня широкой хитровой улыбкой, Гвин вышла на освещенное солнцем пространство. Ее волосы поймали свет и заблестели; длинные, стройные ноги вышагивали танцующей походкой. При этом она размахивала взад-вперед сумкой. Я вздохнула и чуть не свалилась, попытавшись встать со скамейки. Слава богу, юбка не задралась! Когда я стала приводить в порядок учебники в сумке, снова почувствовала судорогу — на этот раз в боку.

В Сент-Криспине регламентируются даже виды школьных сумок, которые можно покупать. Правда, тем, кто вроде меня получает стипендию, при покупке делают большие скидки. Недостаточные, конечно, но все же.

Отвратительно высокие звуки голоса Митци по-прежнему били по ушам. Я взглянула в ее направлении, натягивая на себя блейзер. Как это понять: мы находимся в солнечной Калифорнии, а они заставляют нас носить одежду из шерстяных тканей?!

Солнце освещало шумную ватагу хохочущих девиц, оттуда доносился визгливый и

¹ «Mary Janes» — детские или женские туфли с ремешком-перемычкой (по названию торговой марки).

гнусавый смех. Однако я была уверена, что Гвин смеялась не вместе с ними, а над ними. Повесив на плечо сумку, я отправилась на четвертый урок и оглянулась всего один раз. Гвин стояла там, как и все остальные, под лучами солнца, высвечивавшего их лоснящиеся волосы, холеную кожу, сверкающие искорки золотых украшений — шариков, колечек, изготовленных, разумеется, из чистого золота, как рекомендовано в Сент-Криспине.

Грудь у меня болела, в животе раздавалось урчание, говорившее о том, что я голодна. Но я не обращала на это внимания. Школьные двери проглотили меня. В нос ударил запах линолеума, масла, крошек мела, крепких моющих средств уборщиц, а также дурной запах, исходящий от этих несчастных девчушек в грубой, шершавой одежде, поглощенных зубрежкой. А снаружи ждал целый мир! Все это сомкнулось над моей головой. Я протиснулась к своему классу, и никто не окликнул меня по имени.

Они опоздали к началу четвертого урока на пару минут, но и Брат Боб по какой-то причине задержался. То, что он не появился в классе точно к началу урока, было редкостью. Я достала и открыла свой подержанный, но еще вполне приличного вида учебник.

Гвинет проскользнула на свое место и села рядом со мной. Митци, откинув назад косички, смерила меня взглядом, преисполненным сожаления. Я плюхнулась на стул.

— Сегодня будет вечеринка, — шепнула Гвин. Она где-то раздобыла жвачку, и в нос мне ударил аромат «Джуси Свит». — На Холмах. Пойдешь?

— Я думала, что мы...

— Да брось ты! — прервала она меня с улыбкой.

В этот момент Брат Боб, тяжело ступая, появился в дверях. На его круглом покрасневшем лице виднелась испарина. Воротник, как всегда, врезался в морщинистую шею. Гвин называла это зрелище «шея придушенного индюка», и я с ней соглашалась.

— Но там же не будет ни одного знакомого. — Я пробормотала это еле слышно, потому что класс уже затих.

Черные глаза Брата Боба, маленькие и влажные, внимательно оглядели наши ряды. Митци заерзала. Триша затолкала сумку под стул и стала поправлять ленту, стягивающую волосы.

— Боже мой, просто скажи «да». — Гвинет устремила взгляд вперед, к классной доске, при этом ее голубые глаза сузились.

Брат Боб глотнул воздуха и встал прямо. Свежевымытая доска блестела.

— Да, — сказала я.

— Девочки, утихомирьтесь! — строго произнес Боб.

Вдруг раздался сигнал пожарной тревоги. Слава богу, тревога оказалась учебной. Мы с Гвин посмотрели друг на друга, схватили свои сумки и вышли из школы. Судя по всему, нам было предназначено закосить четвертый урок.

Мы заскочили домой к Гвин. Ее папа был на работе, мама тоже ушла куда-то. Дома находилась домработница Мариса, которая лишь поцокала языком, когда мы, хохоча, влетели в квартиру.

— Ты видела это, да? — Гвин начала икать от смеха.

Было удивительно, что она могла водить машину. От Сент-Криспина до ее дома — двенадцать минут езды, если светофоры не тормозят движение. Сегодня сплошь загорался красный, но нам везло.

Ездить с Гвинет — все равно что играть в рулетку: рано или поздно ожидает проигрыш. Иногда она становилась рассеянной и катила, не глядя на светофоры, забывая о встречном движении. Порой она будто вовсе не видела красных огней, пока я не извещала ее о них воплем «Господи боже!», хватаясь за приборную панель.

Гвин чуть не охватила истерика, когда мы проехали мимо полицейского на красный, вместо того чтобы остановиться и ждать своей очереди на проезд. Полицейский даже не посмотрел в нашу сторону и не переключил сигнал светофора. Он просто сидел у пульта.

В истерику впала я, поскольку в нас чуть не врезалась огромная красная «эскалада»¹. Разумеется, с моей стороны. Поскольку с мисс Лакипантс² никогда ничего не может случиться. Но я ехала с ней дальше и еще смеялась. Тусоваться с ней всегда было не скучно, начиная со второго класса, когда она в спортзале свалилась со шведской стенки прямо на меня. А после ночи, проведенной в доме ее родителей — шикарном особняке, привлекавшем взгляд обилием стекла и белоснежной штукатурки, — я временами закрываю глаза и отчетливо представляю себе, что это я живу там, а в гости заходит кто-то другой.

Гвин бросила сумку на табурет возле столика для завтрака и пригладила рукой волосы.

— Как дела, Мариса? — Она попыталась сделать серьезное лицо, но у нее ничего не вышло.

— Привет, Мариса. — Я помахала ей рукой, поправила висящую на плече сумку.

Она фыркнула на нас обеих, однако открыла дверцу холодильника. Меньше чем через минуту на столике появились тарелка с домашним сахарным печеньем и два больших стакана молока.словно по волшебству. С округлыми плечами, круглыми глазами на круглом лице, она была одета в черное, напоминавшее униформу платье. На чистом, накрахмаленном белом переднике, как обычно, ни единого пятнышка.

Я взяла сахарное печенье. Она улыбнулась мне своей обычной скуповатой улыбкой, которая никогда не смягчала строгого взгляда черных глаз.

Наш смех улетучился. Гвинет плюхнулась на табуретку, а Мариса подвинула тарелку чуть ближе ко мне. Я отхлебнула молока, и в животе у меня слегка полегчало.

— Пронеслись мимо него впритык, — хихикнула Гвин, и мы снова будто вернулись на дорогу.

Прошло немало времени, прежде чем мы затихли, главным образом благодаря Марисе, которая подкладывала на тарелку печенье и подливала в стаканы молоко.

— Чего хочет Митци, кроме того, чтобы пригласить тебя на самую шумную тусовку этой недели? — Мне удалось произнести эти слова как бы между прочим.

— Ой, да фигия все это! Понимаешь, она не может существовать без восхищения окружающих. Извращение какое-то! Стоять кучкой и превозносить друг друга.

Ну да.

— А тебе действительно хочется пойти на это сборище? — Я имела в виду — вместе со мной.

Гвин искоса посмотрела на меня долгим, лучистым взглядом. Она выглядела такой жизнерадостной, и на ее щеках словно расцвели две розы. Я вытащила все шпильки из своих волос и почувствовала себя какой-то засаленной. Школьная форма не спасала.

— Если хочешь, одолжу тебе свою черную шелковую блузку.

Не могу сказать, чтобы она обхаживала меня. Но шелковая блузка была ее любимой обновкой. Возможно, она ее еще ни разу не надевала.

— Ха! Ты можешь просто забросить меня домой. Я не хочу идти туда.

— Ты опять хочешь пойти в старое скучное «Блю».

Ведь именно туда и ты хотела пойти, за пять минут до того, как Митци снизошла со своих высот и пригласила тебя!

— Нет, мне нужно делать домашние задания.

— Ну пожалуйста. Ведь ты сделаешь эти свои задания буквально за пять минут. Я сяду за руль, и ты поедешь со мной. Ты должна! Я не смогу одна сладить с оравой вопящих идиотов.

Тогда зачем туда идти? Но я сдалась. Какое-то время делала вид, что идти туда не собираюсь, но лишь до тех пор, пока Гвин не возмутилась и не запустила в меня печеньем. Мариса вздохнула и убрала со столика тарелку. Я допила молоко и подобрала упавшее печенье. Правда, есть его не стала — какая-никакая гордость у меня имеется!

1 «Эскалада» (Cadillac Escalade) — полноразмерный автомобиль-внедорожник класса люкс.

2 Lucky pants (англ.) — дословно: «счастливые (удачные) штанишки». Фирменное название нижнего белья от Бьерна Борга, в прошлом выдающегося шведского теннисиста, чемпиона мира.

— Хорошо. Пойду. Боже мой! — сказала я наконец.
Гвин снова засияла. Она всегда светится, если добивается своего.

Дом какого-то парня наверху, на Холмах. Там было много пива, гроыхала музыка и то и дело раздавались оживленные крики. Чьи-то родители уехали, — думаю, вон тот парень с крысиной физиономией, стоящий в углу среди группы прыщеватых подростков и щелкающий фотокамерой, был хозяином сегодняшней вечеринки. Так ли это на самом деле, узнать не пришлось. Вечер выдался теплый, ветер едва ощущался. Полная луна, как огромный диск вареного сыра, вставала над берегом, над изломанными складками Холмов. Этот прекрасный вид открывался через стеклянные стены дома.

Как только мы пришли, Гвин отправилась за пивом. Я, оставшись в одиночестве около входных дверей, рассматривала незнакомых парней и девочек. В углу я увидела Митци, которая, заметив меня, вся как-то напряглась. Когда я говорю «напряглась», то имею в виду, что она напыжилась, словно лягушка, готовая плюнуть ядом. Это зрелище испортило мне настроение.

Плохое настроение не проходило. Гвин я обнаружила на кухне, по блеску ее золотистых волос; рядом стояла Триша Брент. Они над чем-то хихикали, и моя голова начала слегка кружиться. Всего здесь находилось, должно быть, не менее сотни человек. Проходя мимо широко распахнутых стеклянных дверей, ведущих во внутренний двор, я заметила, что какой-то пацан начал плевать прямо в бассейн. Я выглянула наружу: земляничные деревья, растущие на склонах холмов, плавно раскачивались под ветром, пролетавшим мимо. Здорово. Мне захотелось выйти во двор, но вид рыгающего паренька несколько испортил впечатление. Так я стояла, прислонившись к створке открытых дверей, когда почувствовала чье-то приближение.

Оглянувшись, я увидела Скотта Холдера.

Половина девчонок Сент-Криспина была влюблена в этого парня. Голубые глаза. Свободно ниспадающие белокурые волосы. Приверженец эмо¹. Играет в футбол и учится в Академии Святого Игнатия, которая близка нашей школе. Танцевальные вечера, посвященные окончанию учебного года, объединяют игнатианцев и криспинианок, за которыми на этих вечерах зорко, словно ястребы за добычей, следит персонал обоих учебных заведений. Думаю, они заботятся о соблюдении заповедей католицизма.

Он что-то говорил, и его точеные губы двигались. Я уставилась на него. Он все еще был одет в форму, которую в Игнатии, согласно правилам, носили учащиеся подготовительного класса, хотя уже где-то бросил свою куртку и расстегнул рубашку. Его кулон — перехваченный в верхней части золотой проволокой собачий зуб, висящий на пеньковом шнурке, — правилами явно не предусматривался. Он улыбался мне, демонстрируя свои ослепительно-белые зубы.

— Что? — почти выкрикнула я на фоне гроыхающей музыки.

Он произнес мое имя:

— Правильно? Ты ходишь в Криспи?

Я кивнула:

— А какого черта тебе надо?

— Хочешь, давай уйдем отсюда.

Он был слишком загорелым и совершенным, чтобы воспринимать его как реальность. На какое-то мгновение я подумала, что он и вправду хочет, чтобы я ушла отсюда вместе с ним, и в голове вдруг возникла причудливая «парная» греза: Скотт Холдер забирает меня из Сент-Криспина на своем темно-красном «вольво» — меня, бросающую свою школьную сумку на заднее сиденье и сажающуюся на переднее, а Митци и ее компания стоят сбоку и с завистью наблюдают за происходящим.

В следующий момент я очнулась и вернулась к реальности.

Глянув поверх его плеча, я увидела Митци и Гвин, стоявших рядом. Своим видом

¹ Эмо — эмо-кор, эмоциональный хард-кор (разновидность панк-музыки).

Митци напоминала кошку, проглотившую канарейку, а рот Гвин принял форму буквы «О». Они обе уставились прямо на меня, и я поняла, что означает выражение лица моей единственной подруги.

Точно такое же выражение на ее лице было в апреле, в День дурака. Нельзя сказать, чтобы Гвин страдала избытком утонченности. Митци что-то шептала ей на ухо, приложив к нему руку и выкатив свои хорошенькие, алчные, голубенькие, как шарики жевательной резинки, глазки. А улыбка Скотта становилась похожей на перевернутую букву «V», поскольку его брови поползли вверх.

Видимо, он был уверен, что я следом за ним выйду через двери во внутренний двор, где пацан уже перестал блевать и прополаскивал горло. Вокруг него то и дело раздавался громкий смех.

В голове у меня все встало на свои места. Такого рода вещи каждый день происходят в школах по всей Америке. Некто делает свой выбор и тусуется с кем-то другим, чтобы протрезветь.

Я рванулась назад мимо Скотта, сильно толкнув его плечом. Он отшатнулся. Протискиваясь сквозь толпу, я почувствовала, что в животе начинает крутить. По-моему, я услышала, как Гвинет пару раз окликнула меня, но никак не отреагировала на зов. В гостинной было полно ребят, все скакали вокруг под какой-то хип-хо-повый хит. Пока я пробиралась в вестибюль, меня то и дело тыкали потными локтями и пинали ногами. В воздухе плавал дымок от марихуаны.

В нормальной обстановке мы с Гвин отыскивали бы местечко, где можно сесть и наблюдать за происходящим, прихлебывая пиво или попыхивая сигареткой с марихуаной, отпуская язвительные замечания в адрес каждого из гостей. Однако на этот раз я потихоньку выбралась из дома через входные двери и пошла по роскошным ступенькам, ведущим вниз.

Порывы ветра усиливались. Они несли запах сухости и чего-то горящего, обжигающего, но не настолько, как заполнившие мои глаза слезы. Они капали на черный шелк, и мне чертовски захотелось не возвращать Гвен дурацкую блузку.

Участники вечеринки гурьбой высыпали из входных дверей наружу. Разделившись на группы, они стояли вокруг, болтали и смеялись. Шеренга блестящих новеньких автомобилей вытянулась вдоль подъездной аллеи, спускавшейся по склону холма. Я продолжала идти, мои «Мэри Джейнс» громко топали по вымощенной плитами дороге. Она была извилистой и огороженной по обеим сторонам поребриками, за которыми находились кюветы; далее покачивались на ветру и шелестели ветвями земляничные деревья. Выше и ниже по склону холма виднелись огоньки в окнах домов, стоявших достаточно далеко друг от друга, чтобы не стеснять соседей.

Пришлось еще немного пройти, пока я не добралась до маленькой красной «миаты»¹. Гвин оставила дверцу машины незапертой, так что я открыла багажник и достала оттуда свою сумку и блейзер. Если я правильно помнила, внизу, у подножия холма, находился перекресток с конечной остановкой автобуса — на случай, если у кого-то из обитателей этой богатой части города вдруг не хватит спиртного или печенья «Твинкиз»².

Прогулка обещала стать долгой. Ветер что-то нашептывал и пофыркивал.

Гвинет прокричала мое имя. Донесшийся до меня звук был слабым, едва слышным, будто она стояла на платформе вокзала, а я находилась в отъезжающем поезде.

Я повернулась, поправила на плече свою «регламентированную» сумку и зашагала по дороге.

Поймать такси не удалось, но меня подобрал автобус, идущий в центр города. Я вошла, приложила проездной к считывающему устройству и села в кресло позади водителя. Ночью — это самое безопасное место, особенно когда ты плачешь. Мне пришлось порыться в сумке, чтобы отыскать что-нибудь вроде бумажного носового платка. Увы, ничего подобного не

¹ Автомобиль «Мазда МХ-5 Миата» — двухместный кабриолет (со складывающейся крышей).

² Twinkies (англ.) — товарный знак печенья с кремовой начинкой производства компании «Интерстейт бейкериз».

нашлось. В конце концов я вытерла лицо своей белой блузкой от школьной формы — ее все равно пора было стирать.

Поездка заняла не меньше часа, хотя автобус остановился лишь на одной остановке, и то без явных причин. А ведь я могла остаться там, на вечеринке, и обниматься со Скоттом, делая из себя круглую дуру. Может, у них на уме было еще что-то? Кто знает...

Мы спустились в долину, объехали вокруг промышленной зоны и оказались на въезде в центральную часть города. По правде сказать, я дернула за шнур сигнала об остановке прежде, чем сообразила, что делаю, и вышла из автобуса прямо перед «Блю». Был поздний вечер, начало одиннадцатого. Сообщение на табло клуба о сегодняшней вечеринке для посетителей любого возраста служило единственным оправданием тому, что этот центр развлечений уже горел огнями, как новогодняя елка. Перед клубом тусовалась шумная толпа молодежи: одни курили, другие просто стояли, прислонившись к стене и стараясь выглядеть круто. Множество подведенных глаз, взлохмаченных волос, некриспинские девушки в клетчатых юбочках и «мэри-джейнсах» на платформе. Из группировок в этот вечер преобладали готы.

Заплатив два доллара десяти- и пятицентовыми монетами и получив на ладонь светящийся штампик, я протиснулась в темноту зала, где работал кондиционер и мелькали кружащиеся вспышки света под низкие ритмичные звуки музыки. Моя сумка отправилась на стойку-хранилище. Я засунула жетон в маленький потайной кармашек юбки и ступила на танцпол. Играли некий индустриальный хлам, правда весьма ритмичный. Эта музыка несколько встряхнула меня. Несмотря на работающий кондиционер, все потели, и теплая соленая влага на моих щеках соприкасалась с теми крошечными холодными участками кожи, на которых она уже испарилась.

Танцуя, теряешь ощущение времени. Все исчезает и останавливается. Будто становишься каплей воды в океане с температурой человеческого тела; никаких острых граней. Когда скопище людей уплотняется и на загривке выступает пот, когда ты скачешь или машешь руками, а к тебе со всех сторон легонько жмутся другие человеческие тела, начинает казаться, что ты не так уж и одинок.

Я ткнулась в него, наверное, раз пять, прежде чем осознала, что он со мной танцует: копна вьющихся темных волос, белая рубашка, модные потрепанные джинсы и туфли. Лет семнадцати на вид, с черными глазами и высокими скулами. Музыка стала громче, ее ритм буквально оглушал, а он наклонился ко мне, и я ощутила исходящий от него запах мяты и чистого, здорового молодого тела. Совсем не такой, как от дорогого одеколona Скотта Холдера. Это было что-то другое. Сердце у меня забилося чаще, и я попыталась отстраниться, но на площадке было слишком тесно. Он находился позади меня, его руки скользили по мне, и вдруг к моим глазам подступили горячие слезы. Я отклонилась назад, в объятия этих безымянных рук, и оставалась там на протяжении по меньшей мере двух музыкальных номеров. Мы стали неподвижной точкой, вокруг которой кружилась масса остальных танцующих — этакий калейдоскоп глаз, губ, разряженных и раскрашенных ребят.

Плотная масса толпы распалась, и я сделала рывок, чтобы освободиться. Руки меня отпустили, и, пройдя мимо бара (только крем-сода и вода по весьма завышенной цене: для любого возраста — ничего горячительного) и через турникет, я вышла на улицу. Остановилась, подставила лицо ветру, и мои щеки высохли, а волосы взъерошились. Следом за мной на улицу гурьбой высыпали ребята — наступило время перекура. Все кричали и смеялись. Проходя мимо, они толкали меня, я пошатывалась из стороны в сторону и ждала, что вышибала заорет, чтобы я не загораживала двери.

— Привет! — сказал кто-то. Прямо мне в ухо.

Я невольно отшатнулась. Вышибала, косящий под военного толстяк, который, наверное, не смог найти работу в более солидном клубе, все-таки заорал. Но не на меня. Я открыла глаза и взглянула вверх. Это был он. Если бы он был слишком хорошеньким, я не стала бы тут задерживаться. Но он смотрелся почти нормально. А эти свои джинсы, наверное, нашел в

секонд-хенде. И как-то забавно уставился на меня. Между бровями пролегла вертикальная морщинка, губы напряженно сжаты.

Я сердито хлопнула себя по щекам. У меня болели ноги, и я потеряла на этом целых два доллара. Чего ради?

— Привет.

— Джонни. — Он протянул руку. — Здорово!

Я посмотрела на его ладонь, потом вверх — на лицо, и самоуверенная улыбка голубоглазого Скотта Холдера промелькнула в моей памяти. Но я пожала ему руку.

— Здорово!

Рука у него была теплая, но не потная, как моя, и кожа на ощупь не такая.

После единственного слабого рукопожатия я повернулась, чтобы уйти. Мои голые икры онемели от ветра, дующего вдоль улицы и трущегося об углы домов, словно кот.

— Таинственная леди. — Его взгляд прошелся по мне сверху донизу, охватив и шелковую блузку, и юбку, и белые носки, и «мэри-джейнс». — Я видел тебя здесь прежде. С такой блондинистой девушкой.

— Сегодня этой девушки здесь нет, — быстро сообщила я, и она тут же перестала его интересоваться.

— Это хорошо. Трудно разговаривать с двумя девушками сразу, особенно если они подруги. А вы, девчата, специально такое подстраиваете. — Он слегка улыбнулся, и кончики его зубов высунулись наружу. — Хочешь сигарету?

Я уставилась на него. Моим глазам стало горячо и сухо, и я почувствовала, как все лицо вспыхнуло и покрылось пятнами.

— Нет, спасибо.

— Ладно. Может, тогда немного потанцуем, а? Ведь еще не поздно.

Он слегка сгорбился и засунул руки в карманы брюк. Его волосы были совсем как мои, только вились сами, без завивки. Он выглядел очень уверенным в себе. Но что-то во всем этом было не так.

Нельзя сказать, что он не был привлекательным, — скорее наоборот. Однако он казался очень самоуверенным. Вы никогда не встретите парнишку-тинейджера, который выглядел бы человеком, имеющим обо всем определенное мнение. Ну а если встретите, это будет притворщик. Но этот действительно так выглядел... Что странно.

— Мне надо идти.

— Но ты ведь только что пришла.

«Откуда, черт побери, тебе это известно?» Я пожала плечами, полирнула одну «мэри-джейнс» о тыльную сторону носка на другой ноге. Лодыжки у меня ныли — я прошла немалый путь по склону холма до автобусной остановки и, наверное, натерла ноги до волдырей.

— Ну скажи «да». — Он перестал улыбаться и выглядел вполне серьезным. Весьма серьезным. Его взгляд был очень пронизательным. — Мы должны объединиться, ты и я.

Что сказать? Я же совсем не знаю тебя, парень.

— Это почему же?

— Потому что в противном случае они съедят нас заживо. Пошли танцевать. — Он снова протянул мне руку, ладонью вверх.

Допускаю, что это была правда. И я заплатила свои два бакса. Он не улыбался, только смотрел на меня, будто дело было весьма серьезным и мне следовало об этом знать. А ветер продолжал дуть, издавая низкие воющие звуки.

В общем, я пошла с ним. Мы вернулись, пройдя мимо вышибалы, который внимательно на нас посмотрел, но ничего не сказал. Джонни все время держал меня за руку, пока мы шли к танцполу, где растворились в общей массе танцующих. Вместе с тем мы находились в своем маленьком пространстве, которое принадлежало только нам двоим.

Когда в субботу утром я открыла глаза, раннее солнце разукрасило лучами мою

постель, а будильник, вместо того чтобы звенеть, издавал какие-то хриплые звуки. Моим первым ощущением стала чертовская боль в ногах. В следующий момент я поняла, что наш трейлер пуст. Но может, папа спит.

Несколько минут я лежала, наслаждаясь ощущением солнца. В трейлере что-то похрустывало, так, как это всегда происходило с ним по утрам, — так похрустывает в приемнике кухонного комбайна бекон, когда с него снимается шкурка. Мои лодыжки болели, но зато носки были чистые — позавчера я устроила стирку.

Я встала. Сливное отверстие в полу ванной комнаты следило за мной, пока я приводила себя в порядок. Вода была негорячей, но и на улице сегодня стояла вполне теплая погода. Так что все нормально. Покрытое пятнами зеркало над раковиной нагоняло на меня тоску, поэтому я лишь, мельком глянула в него, чтобы собрать волосы и перехватить их лентой.

Пройдя в кухню, я поняла, почему отец ушел.

«Сегодня работаю в булочной. Получил твою ведомость — сплошные „А”¹. Славная девочка. Оплати счет за электричество!»

Буквы были нацарапаны на обратной стороне полученного из Сент-Криспина конверта из плотной светло-коричневой бумаги. С лицевой стороны конверта на гербе и готическом шрифте расплылось пятно от пролитого кофе.

Слава богу, у него есть работа. По крайней мере на какое-то время. Я открыла конверт с ведомостью, увидела на ней четкий ряд оценок «А» и с облегчением вздохнула: в прошлом семестре я едва не завалила тригонометрию, но судьба и Брат Боб оказались ко мне благосклонны.

Итак, стипендия — в сохранности. Я была уверена, что мне выставят такие оценки. Кого колышет, что себе думают эти богатенькие сучки или насколько они недоброжелательны и злобны?

Но Гвинет... Вот она сидит рядом со мной на скамейке в летнем домике ее родителей, болтает ногами и жует трубочку с мороженым. И поглядывает в окошко — не покажется ли там возвращающийся домой отец, а мы с Марисой в это время играем в шашки. Или стоит рядом со мной в хоре, и мы подталкиваем друг друга, когда начинается песня с неким забавным подтекстом, понятным только нам двоим.

Еще в конверте лежали деньги. Предполагалось, что я пойду и оплачу счет за электричество. Дешевые тюлевые занавески слегка шевелились. Отец оставил окно в кухне открытым, наверное, чтобы выветрился запах сигаретного дыма. Три банки из-под пива и сковородка со следами яичницы и разогретой фасоли на дне. Я открыла кран с разбрызгивателем и вылила в раковину немного средства для мытья посуды.

Щеки у меня были мокрые. Ветер слегка подвывал. Теперь этот звук, дополненный шуршанием поднятой ветром пыли, трущейся об острые углы, будет постоянным. Так происходит каждую осень.

Если бы мы не пошли на вечеринку, сейчас я проснулась бы в спальне Гвин, учуяла бы запах кофе и жареного бекона и услышала бы отдаленное, доносящееся из кухни мурлыканье какой-нибудь мелодии в исполнении Марисы. А поскольку сегодня суббота, родители могли быть дома и Гвин стремилась бы уйти, прежде чем ее бледная, худосочная мамаша произнесет свое обычное: «Ты завтра собираешься пойти в церковь?» Мы бы с ней прошлись по магазинам и, в то время как Гвин делала бы покупки, передразнивали бы окружающих, прыская смехом в сложенные пригоршнями ладони.

Зазвонил телефон. Я взглянула на него и пожалела, что нет определителя номера. Хотелось знать, не звонок ли Гвинет я проигнорировала, оттирая в раковине грязь с посуды, ополаскивая ее и вытирая, а потом расставляя по местам. После этого я занялась приведением в порядок школьной сумки. А телефон звонил снова и снова. Интересно, кто бы это мог быть? Может, кредитный инспектор?

Когда я вышла, заперевав за собой дверь, телефон по-прежнему надрывался. На

¹ «А» (отлично) — высшая отметка по пятибалльной системе А — F, принятой в учебных заведениях США.

грунтовой подъездной дорожке все еще были видны отпечатки колес черной «джетты»² Джонни, правда уже почти затертые колесами отцовского грузовика и засыпанные пылью.

По понедельникам у меня не было занятий вместе с Митци и ее компанией вплоть до четвертого урока, что радовало. Но Гвин не было и на втором. На протяжении всей лекции по истории Америки ее пустой стул рядом с моим сильно меня беспокоил, как больной зуб. Прозвенел звонок, извещающий о перерыве на первый завтрак и следующем за ним третьем часе занятий. Вообще-то, все происходило, как и в любой другой учебный день, когда Гвин была нездорова или страдала от похмелья и вызывала Марису, чтобы та забрала ее из школы домой. На меня никто не обращал внимания.

Перерыв я провела в длинном и узком помещении библиотеки, перелистывая страницы, текст которых расплывался в глазах. Нос у меня был заложен. Если у дверей раздавались голоса, я наклоняла голову ниже.

Четвертый урок — то, к чему я серьезно себя готовила. И, как оказалось, не зря. Брат Боб устроил очередную контрольную. Место Гвин по-прежнему пустовало, и Митци со своей компанией весь урок поглядывали на меня, шептались и хихикали. Как только прозвенел звонок, я быстро пошла к выходу из класса. Но недостаточно быстро...

— Где же Гвинет? — нараспев произнесла Митци, когда я проходила мимо ее стола.

Я пожалала плечами, крепче обхватила свои книжки и сумела не запнуться о ее ногу, выставленную в проход. Прежде чем она смогла набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы произнести следующую фразу, я уже была у двери. На пятом уроке мне предстояло иметь дело только с Тришей Брент и с Зое Макферсон. Но без подстрекательницы Митци они становились беззубыми. Последний звонок этого учебного дня означал желанную перемену обстановки.

Ветер на улице крепчал, он был наполнен пылью и запахом дыма, а на ступенях главного входа в Сент-Криспин толпились девчата. С одной стороны от здания медленно уползали приземистые желтые автобусы, с другой — со свистом уносились сверкающие автомобили, в которые садились более счастливые дети. Я уже собралась рвануть к автобусам, когда блестящая черная «джетта» остановилась прямо на пожарном проезде и коротко просигналила.

Я не среагировала бы на этот сигнал, но Митци и ее банда опередили меня в нашем противостоянии. Я увидела, как Митци устремилась ко мне, с прыгающими в воздухе белесыми косичками, и непроизвольно вздохнула. Дверца со стороны водителя открылась, и из машины вышел Джонни. Я замерла на месте, крепко сжав учебники по тригонометрии и истории; ремень сумки врезался в плечо. Блин!

В лучах солнца его волосы местами приобрели красноватый оттенок. Он был в темных очках, стоял, положив руки на крышу салона, и смотрел прямо на меня. Как будто знал, что я окажусь именно здесь.

Несколько девочек остановились как вкопанные и уставились на меня. Митци приближалась, явно с каким-то злым умыслом. Поэтому я направилась к «джетте». Ни одна пылинки не пристала к ее безупречно окрашенной поверхности.

— Привет, — сказал он, когда я оказалась достаточно близко. — Хочешь прокатиться?

— Конечно.

Я подошла к пассажирской дверце и увидела сестру Агнету. В развевающемся черном одеянии, она стремительно спускалась по ступенькам. Парень. На территории школы. О боже!

— Куда-нибудь конкретно? — Он улыбнулся так, словно у него уже имелся план.

— Просто увези меня отсюда.

Дверца в салон оказалась незапертой. Как только я забралась внутрь и «захлопнула» ее, сразу почувствовала запах ухоженного автомобиля. Жара и ветер остались снаружи, а здесь непрерывно работал кондиционер. Через пару секунд и Джонни уселся на водительское сиденье.

² «Jetta» (англ.) — модель легкового автомобиля фирмы «Фольксваген».

— Ты уверена? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Да, черт возьми!

Я не осмелилась взглянуть наружу через затемненное стекло. Мы оба пристегнулись, и он рванул поперек обсаженного деревьями проезда, вместо того чтобы развернуться на расположенном чуть поодаль участке дороги с круговым движением. Внезапно рывкнул чей-то звуковой сигнал, послышался скрип тормозов и шин. Когда мы уносились прочь от этого места, я начала смеяться.

Это было очень похоже на езду с Гвинет за рулем.

— Значит, это именно она... Ха! — Джонни посасывал соломинку. Его солнцезащитные очки блестели.

Мы сидели на капоте «джетты», глядя вниз, на долину. В воздухе висела пыль, она кружилась золотистыми вихрями, словно цветочная пыльца. Вокруг нас стояли шелестевшие на ветру деревья. Он оказался прав: чудесное место. Он накупил молочных коктейлей и зажаренного кусочками мяса; я старалась, есть не слишком быстро. Я подстелила под себя блейзер, а Джонни уселся в джинсах прямо на капот, несмотря на то, что он был довольно горячим. Было приятно находиться здесь, в тени, и видеть обширный участок затянутых мглой городских предместий. Холмы мерцали яркими отблесками света, пробивающимися сквозь пелену пыли от покрытых стеклом особняков, лепящихся по склонам холмов.

— А ты уверена?

— Она притащила меня на эту вечеринку. Я не хотела идти. И... ты должен ее знать. — Я вздохнула. Неторопливо глотнула клубничного коктейля. — И почему кто-то вроде него заговаривает со мной? Ведь он — один из них.

— А ты разве нет? — Но в его тоне слышалось кое-что еще типа: «А я нет?»

— Я живу на стоянке для трейлеров, — напомнила я ему. — А ты смотришься как вполне приличный парень.

— Угу. — Джонни слегка кивнул. Горячий ветер взъерошил его темные кудри. — Позволь мне спросить тебя кое о чем. Можно?

— Ты уже начал. — Я отхлебнула еще коктейля. — Валяй!

Он принял шутку, ответив на нее едва заметной улыбкой:

— Каким ты видишь свое будущее?

Вопрос был неуместным и даже бестактным, но он прозвучал так, что показался совершенно естественным. И даже разумным. Похоже, он действительно хотел это знать и был готов выслушать ответ. Несколько мгновений я внимательно смотрела на него, отводя рукой волосы назад и размышляя над ответом.

— Ты имеешь в виду нечто типа колледжа?

— Я имею в виду... нечто, кроме этого. Кроме всего такого.

Я поставила коктейль на капот.

— Ты действительно хочешь знать, что я думаю об этом?

— Да, хочу. — В его ответе прозвучало неподдельное желание знать.

— Я думаю, что игра подтасована. Не важно, насколько ты хорош, потому что одни люди — избранные, другие — нет. Первые получают все, а остальным дается возможность трудиться изо всех сил, чтобы получить совсем немного. У человека нет будущего, если он не из числа избранных. Но он может купить себе немного жизненного пространства.

— А ты принадлежишь к избранным?

Он сидел неподвижно, и ветер, будто ласковыми пальцами, перебирал его волосы.

Я рассмеялась:

— Черта с два! Конечно нет.

— А хотела бы?

— Человеку не дано решать, быть ли ему одним из них. Это судьба. — Я взяла сумку и порылась в ней в поисках жевательной резинки. — А могу я задать тебе вопрос?

— Валяй! — Похоже, его позабавил мой ответ. Во всяком случае, он рассмеялся.

— Почему ты выбрал меня?

Я старалась не замечать, что жду его ответа, затаив дыхание. Но, черт побери, я хотела знать! Его ответ мог помочь мне открыть, что он за парень: умник, качок, показушник, приспособленец, трус, панда, гот. Определить его сущность на глазок было непросто.

— Неужели не понятно? Да брось ты! Давай лучше поедem куда-нибудь.

— Куда?

— Куда хочешь. Можем просто покататься. — Чуть повернувшись, он взглянул на меня, и я пожалела, что не вижу его глаз, скрытых за темными стеклами очков. — У меня есть время.

— Я должна вернуться домой. Надо сделать домашние задания.

— Прилежная маленькая девочка-католичка. Ладно. Когда я смогу увидеть тебя снова?

Мне не следовало ничего отвечать. Нужно было просто отшутиться или что-нибудь в этом роде. Я сотни раз видела, как отшивала парней Гвин. Но у меня не было желания так поступать с ним.

— Заезжай за мной завтра после школы. — Слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела о них подумать.

— Договорились. И мы куда-нибудь съездим.

— А куда?

— Разве это имеет значение?

Из того, как он это произнес, было ясно: не имеет.

Я попросила выпустить меня из машины у въезда на стоянку трейлеров. Одно дело — ночью, другое — сейчас, когда мог увидеть папа. Грузовик стоял на подъездной дорожке, и я порадовалась собственной предусмотрительности.

Папа был дома, и трезвый. Он не поручил мне никаких дел. Вместо этого глубоко вздохнул:

— Сегодня вечером у меня работа в две смены, милочка. Расплатятся со мной в пятницу. — «Это хорошо», — простонал ветер. Он даже не заметил ни моих потных ладоней, ни виноватого выражения лица. — Звонила твоя подруга Гвинет. Это та самая богатая девушка, да?

— Да, та самая. — Я тупо кивнула.

— Ну хорошо. — Он встал. — Она просила позвонить ей. Мне пора на работу. Будь поэкономнее, ладно?

— Буду. — Я с трудом глотнула воздух. Его глаза налились кровью, но он не выглядел рассерженным. — Ты не хочешь пообедать, прежде чем идти?

— Нет, мэм. Уже нет времени. — Порывшись в кармане, он вытащил бумажник. Выложил на стол две новенькие хрустящие двадчатки. — Попробуй купить что-нибудь из бакалеи. Они рассчитаются со мной в пятницу, но ведь мы сможем добыть кое-что и раньше, верно?

По крайней мере, молоко. Еще картошку и фарш. Ну и фасоль — пару вечеров мы могли бы есть ее под соусом чили. При этой мысли желудок у меня закрутило вокруг заполнявших его кусочков мяса и молочных коктейлей.

— Верно.

Он кивнул. Большой, грузный, сутулый человек.

— Я тут оставил рабочие рубахи. Постирай их.

— Хорошо, папа.

Я подождала, пока он не ушел и не отъехал его грузовик, издававший странный звук, похожий одновременно на резкое взвизгивание и на громкое завывание, — наверное, в двигателе не было отрегулировано натяжение приводного ремня или что-нибудь еще, — и только после этого, перестав сдерживаться, глубоко вздохнула.

— Слава богу, — сказала я, обращаясь к пустой кухне, и взяла со стола две двадчатки. Теперь у меня есть возможность позавтракать раз или два на этой неделе, если я сэкономлю

на мясе и возьму побольше хлеба.

Опять раздался телефонный звонок. Я так судорожно глотнула воздух, что в горле у меня что-то щелкнуло. Звонок повторился трижды, прежде чем мне удалось обойти вокруг стола и подойти к стене, где висел телефон. Но, взяв трубку, я услышала лишь непрерывный гудок и шум ветра.

Я ждала того момента, когда снова увижу Джонни.

— Это была не моя идея, — прошептала Гвин.

Я поудобнее уселась на стуле. Сестра Лорел подчеркнула на доске дату принятия тарифа Смута-Холи¹. Я записала ее.

— Правда, не моя.

Я не реагировала. Она начала это сразу после того, как с опозданием явилась в класс и села на свое место. Блекнувший след от засоса сбоку на шее ясно говорил о том, чем обернулась для нее пятничная вечеринка.

Наверное, со Скоттом Холдером. Повезло же ей!

Гвин прошипела мое имя, но смотрела прямо перед собой. Сестра Лорел полуобернулась. Ее профиль напоминал ястребиный, таким же был и взгляд глаз-бусинок.

— Кто-то хочет что-то сказать? — спросила она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Теперь был бы слышен даже звук от падения булавки. В окна скребся ветер. Сестра Лорел продолжала рассказывать о торговом протекционизме, золотом стандарте² и причинах Великой депрессии.

— Ну не будь ты такой, — прошептала Гвин.

Я сгорбилась и ничего не ответила. Мы обе знали, что в итоге я ее прощу. Ведь раньше я всегда прощала, если она совершала очередную глупость или как-то мне вредила. Такова моя участь в мироздании — быть всепрощающей. В награду я имела возможность просыпаться в ее спальне и воображать, что ее родители — мои и что это я живу ее счастливой, роскошной жизнью.

«Ты видишь будущее для себя?» В некотором роде да, я его видела.

Закончить школу благодаря стипендии, отучиться в колледже, может, найти приличную работу. Работать, чтобы иметь собственное жилье. И что дальше?

Гвин никогда не придется задумываться над такими вещами. Мамочка и папочка отправят ее в колледж, и она без проблем подцепит такого же богатенького парня, родит милых, замечательных младенцев и будет пить мартини после полудня. Ей не нужно приносить наличные деньги в коммунальные службы и упрасивать, чтобы ее к чему-нибудь снова подсоединили или чтобы от чего-то не отключали. Для этого папа всегда посылал меня, потому что я умела находить общий язык с работниками контор. Это было высокое искусство. Я чувствовала, как розовеют мои щеки.

Гвинет снова прошептала мое имя. Девочки ерзали на стульях, недоумевая, что между нами происходит. Сестра Лорел повернулась лицом к классу. Ее пристальный взгляд прошелся по каждой из нас, и я постаралась придать лицу невинное и одновременно скучающее выражение. Опустила глаза к своим записям. И увидела свое будущее? Нет, только второпях написанные на бумаге строчки.

В итоге сестра постучала линейкой по стопке бумаг на своем столе, произведя приглушенный звук. Затем вызвала Эрику Энджайер, и я вздохнула с облегчением. Снова, к счастью, пронесло!

Прежде чем Гвинет смогла меня догнать, я оказалась за дверью. Пусть она идет тусоваться со своими любимыми подружками. Меня это совсем не трогало. Тем более что мне предстояло снова встретиться с ним.

Гвин проигнорировала урок с ежедневными страданиями от Брата Боба. А для меня

¹ *Тариф Смута-Холи* (Smoot-Hawley Tariff) — принят в 1930 г., устанавливал один из самых высоких в истории США уровней тарифных ставок.

² *Золотой стандарт* (gold standard) — обеспечение государственной валюты золотым запасом страны.

весь этот изнурительный день сразу похорошел, как только я, сбежав с шестого часа, оказалась за дверями школы.

Джонни стоял на пожарном проезде, прислонившись к своей «джетте» и не обращая никакого внимания на знаки «СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА!». На этот раз он купил мне чизбургер — гамбургер с сыром, — еще больше кусочков жареного мяса и кока-колу. Сам он, сказав, что не голоден, потягивал через трубочку клубничный коктейль.

Мы снова сидели на капоте его машины, стоявшей на том же самом месте, с которого открывался вид на раскинувшуюся внизу долину, и весь остаток дня болтали ни о чем. Было приятно разговаривать с человеком, который действительно тебя слушает.

Солнце клонилось к западу, и скрипучее постанывание ветра, гнавшего волны горячей пыли над долиной, начинало казаться не столь уж тягостным, когда раздавался чей-нибудь голос и приглушал его. Мы лежали на капоте лицом вверх и смотрели, как плавно струится свет сквозь колышущиеся ветви деревьев, а когда он поцеловал меня, то не снял своих темных очков. Меня это не беспокоило. Как и то, что от меня, наверное, разлило чизбургером.

Он даже слушал, как целует меня. Описать это иначе я не могу. Опершись на один локоть, он не шарил по мне другой, а мягко приложил пальцы к моему подбородку снизу и время от времени прижимал их к изгибу шеи в том месте, где биение моего сердца неудержимо рвалось ему навстречу. Я ударила скулой о его очки и засмеялась, не отрывая губ от его рта, и он тоже рассмеялся. На вкус он был как молочный коктейль с клубникой; от него исходил аромат перечной мяты, желания, горячего солнца и чистой одежды. Он очень нежно куснул мою нижнюю губу, а потом поцеловал крепче.

Это так отличалось от поцелуев взасос на переднем сиденье с противным приятелем очередного парня, охмуренного Гвин, в то время как эта золотая парочка неистово тискалась на заднем.

Мы уже оторвались друг от друга, а я так и не видела его глаз.

— Ты их носишь постоянно? — Я протянула руку, словно хотела снять с него очки, но он чуть подался назад, и я поняла намек.

— Нет, не постоянно. Послушай, сейчас мне необходимо закончить одно дело. Как насчет того, чтобы я заехал за тобой сегодня вечером? Я буду ждать тебя и конце вашей подъездной аллеи.

Мое сердце колотилось. Наверное, я должна была кое о чем его спросить, но я уже устала задавать вопросы. И устала ждать. Воздух был светлым и золотистым от цветочной пыли и пыли, и мне хотелось снова поцеловать уголок его рта. Кожа у него была гладкой, с необычной поверхностью, как плотный шелк или что-нибудь еще, — матовой и великолепной. Хотя сам он не был совершенен.

— Ладно. — Выбраться из дому не проблема, ведь папа будет на работе. Я смогу уйти сразу после обеда, и он об этом даже не узнает. Подумает, что я ушла куда-то вместе с Гвинет, если, конечно, она опять не позвонит. — Куда мы направимся?

— А это имеет значение? — Он рассмеялся и прикоснулся к моей щеке.

Нежная дрожь кончиков пальцев разлилась по всему моему телу, будто волна тепла.

Мне следовало поостеречься. Но я этого не сделала, позволила Джонни отвезти меня домой и даже поцеловала на прощание. Мы не говорили, что мы теперь вместе или чего-то в этом роде. Не думаю, что слова были нужны.

Если бы я знала, то, наверное, приготовила бы на обед что-нибудь повкуснее. Но я торопилась, и поэтому нашим обедом стал «Ужин с гамбургером»¹. Папа ел молча. Я даже выгладила его рабочие рубашки, и одну из них он надел.

— До поздней ночи, — проворчал он, закрывая за собой дверь.

— Да, папа.

¹ «Ужин с гамбургером» (Hamburger Helper) — полуфабрикат, гамбургер с гарниром: лапшой, томатами и острым перцем или с острым перцем, печеным картофелем и бобами.

Я тоже собираюсь вернуться поздно ночью. Хотя мы, наверное, поедем в «Блю».

Мысль о том, что люди меня увидят с Джонни, в том числе, возможно, и Гвин с Митци, конечно, если они не пойдут на какую-нибудь другую вечеринку, заставила меня громко рассмеяться, когда я прибиралась в кухне. Я даже снова надела черную шелковую блузку Гвин. Ему, скорее всего, безразлично, во что я буду одета. А она, черт побери, наверняка задолжала мне эту блузку. Тем более что она может купить себе еще штук двадцать таких.

Хорошее настроение сохранялось до тех пор, пока я не начала брить ноги дешевой, дрянной бритвой. И конечно, порезалась. Кровь капала с ноги в ванну, солнце садилось, и внезапно у меня появилась уверенность, что он не появится, а я буду ждать его там, на аллее, в блузке Гвин и в своей школьной юбке, и чувствовать себя последней дурой.

Я взяла себя в руки и опустила покрытый испариной лоб на колени. Летом тепловатая вода, которую выдавливал из себя наш ветхий водопровод, казалась настоящим благом. В данный момент я была уверена, что она мне поможет. Ветер облизывал боковины нашего трейлера, и я неожиданно засмеялась, отрывисто и громко. Ведь если он не появится, мне это будет известно. И тогда я позвоню Гвинет. И прошу ее. Но если он появится, я буду готова.

Это была напряженная ночь, из тех, что обычно начинаются с зарниц, а заканчиваются пожаром на Холмах. И все нервничают.

«Блю» оказался переполнен. Впрочем, как всегда, даже в дни вечерних школьных занятий. Меня это не беспокоило, Джонни, кажется, тоже. Мы были прижаты друг к другу в толпе танцующих посреди площадки. Стояла влажная духота, каждый дышал на соседа; то тут, то там вспыхивали световые палочки, и их свет покрывал пятнами бледные юные лица.

В музыке усилился ударный ритм, так продолжалось довольно долго. Ощущение было такое, словно плывешь рядом с кем-то. Джонни обнимал меня, и, когда он наклонялся ко мне, я ощущала волны запаха мяты и чистого тепла.

Затеряться среди массы подростков очень легко. Но затеряться, если ты не один, — трудно. Посредине танцпола мы образовали свою маленькую вселенную. Когда освещение гасло и единственным источником света оставались светящиеся палочки и блеск капелек пота, Джонни касался носом и губами моей шеи. При этом он откидывал в сторону мои волосы, а его грудь крепко прижималась к моей спине. И я поднимала подбородок, почувствовав осторожное прикосновение кончиков его пальцев к моей шее, в то время как его другая рука крепче обхватывала мою талию.

Я кожей ощущала его горячее дыхание и будто таяла, растворялась в нем. Я подумала, что он хочет просто поставить мне засос, но произошло нечто неожиданное.

Джонни позади меня весь напрягся. Музыка гроыхала; какой-то тип, стараясь перекрыть ее, надрывно пел что-то о человеке-миссионере, и в горле у меня вдруг возникло горячее пятно. Оно стремительно разрасталось и, словно лава, стекающая по склону вулкана, распространилось по всему телу, проникло внутрь его и осело в глубине желудка. Грохочущие басовые ритмы загоняли его сквозь кости все глубже, в самую сердцевину меня, а пространство внутри клуба вдруг стало темно-красным. Так, как бывает, когда закрываешь глаза от яркого луча прожектора, и твои веки превращают все в малиновый туман. Биение моего сердца утонуло в басовых ритмах и замедлилось, бедра подались вперед, и все внутри меня взорвалось.

Если в «Блю», где музыка гремит на полную катушку, вы вскрикнете, то вас никто не услышит. Никто не сможет услышать, если все рушится внутри вас. И никто не заметит, если вас тащит на улицу парень в белой рубашке, с измазанными чем-то темным губами и, несмотря на глубокую ночь, в темных очках.

Я сидела, привалившись к дверце автомобиля. Он выключил двигатель, и внезапная тишина заполнила салон. Какое-то время мы оставались внутри, слыша, как ветер шуршал, обтекая отменно окрашенный кузов.

— Все не так, как тебе рассказывали, — повторил он. — Забудь! Воспринимай

происшедшее так: «Я — это судьба. И я выбираю тебя. Зову тебя».

Шею у меня саднило. Я прижала к ней сбоку грубое бумажное полотенце. Оно уже было влажным, но я не могла понять — от пота или от чего-то другого. Мне пришлось дважды плотнуть воздух, прежде чем я смогла заговорить.

— Почему меня? — Слова прозвучали сухо, хрипло.

— Ты же все объяснила сама. Ты — не одна из них. И мы остаемся в одиночестве — те из нас, кто не входит в число избранных. — Произнося эти слова, он переставлял пальцы вдоль обода рулевого колеса, как бы измеряя пядью длину его окружности. Прекращал, а потом начинал снова, словно проверяя правильность предыдущего измерения. — Но ты можешь не быть одинокой. Со мной.

Я снова глотнула воздуха. Ощущение было такое, словно у меня воспалилось горло или что-то в этом роде. Мои пальцы онемели, несмотря на то что насыщенный электричеством и потрескивающий горячий воздух обдувал влажную от пота кожу. И я задала вопрос на миллион долларов:

— Как?

Он улыбнулся мне и снял свои темные очки. Красное свечение исчезало, втягивалось внутрь белков его глаз тонкими нитями. Радужная оболочка стала темной, как в тот вечер, когда мы встретились впервые.

— Ты уверена, что хочешь этого?

Я упрямо вскинула подбородок:

— Сначала скажи мне как.

— Ты должна всего лишь сделать мне подарок, дорогая. Это не трудно.

Боже, у меня ничего нет!

— Ведь я живу в трейлере, на стоянке. И я не...

— Это не деньги.

Он потянулся ко мне, взял меня за руку, и я не отстранилась. Его кожа была сухой и теплой, нормальной, в отличие от моей.

И он сказал мне как. Я вся похолодела. Лед, потрескивая, покрывал меня, собирался и оседал в моем сердце.

— Допустим, я сделаю это, а что потом?

— Потом ты пойдешь со мной. И там для нас открыт целый мир. Я не останусь одиноким, а тебе больше никогда и ни о чем не придется тревожиться.

Он сказал это так, как еще никто и никогда прежде со мной не разговаривал. Он не мог лгать. Его слова звучали слишком убедительно, чтобы быть неправдой. И мое горло пронзила очередная вспышка боли. Я вся застыла, кроме живого, горящего уголька на шее, под моими скрюченными пальцами и скомканным бумажным полотенцем.

— Итак, моя загадочная леди, какие у нас перспективы на будущее? Намереваешься ли ты провести свою коротенькую, маленькую жизнь, следуя их правилам игры, или собираешься использовать свой шанс?

Некоторое время я, закусив застывшую нижнюю губу, пребывала в состоянии тревожного раздумья. А потом приняла решение.

— Это была не моя вина. — Гвин никак не могла оставить эту тему. Она сутулилась, ее золотистые волосы разметались по плечам. — У меня даже и мысли такой не было. Честно!

— Да ладно, все нормально. — Мой голос, кажется, даже звучал искренне. Я не стала залеплять два маленьких прокола на шее лечебным лейкопластырем, поскольку они уже были белесыми и выглядели давнишними, почти зажившими. Их можно было вообще не заметить. — Что ты делаешь сегодня вечером?

— Я думаю, ты могла бы прийти к нам. — Она еще больше сгорбилась; пятна тени, отбрасываемой смоковницей, скользили по ее лицу и рукам. — Мы посмотрим какое-нибудь кино или что-нибудь в этом роде. Ну и останешься у нас ночевать.

Я не могла согласиться вот так, сразу.

— А как же Митци?

Я посмотрела мимо Гвин, туда, откуда белокурая пакостница, злобная богиня Криспи, бросала на нас быстрые, ядовитые взгляды.

— Сука она. Ты знаешь, что теперь она встречается с Холдером? — Гвин закатила глаза. — Потрясающе! Эта парочка похожа на два разговаривающих друг с другом пылесоса. Давай плюнем и на этот, четвертый, и пойдем купим что-нибудь. Что скажешь?

Что еще можно было сказать на это, кроме «да»? Я знала, что сегодня Джонни не заедет за мной.

Ее родителей дома не было, а Мариса уже спала. Я чувствовала себя вполне уютно в старой пижаме, которую мне дала Гвин, и лежала очень тихо до тех пор, пока ее дыхание не сделалось ровным. Я не собирала никаких вещей и даже не сказала папе, куда отправляюсь. Была пятница, ему заплатили за работу. Он мог еще сидеть в баре, а если дома, скучал без меня. Но это не имело значения. Сейчас ничто не имело значения, кроме ожидания.

Она лежала рядом, как всегда упираясь в меня локтями и коленями, умудрялась занять всю постель даже на двухспальной кровати.

Когда она стала дышать совсем глубоко, я осторожно выскользнула из постели и потихоньку оделась. В темноте моя белая блузка маячила, словно привидение. Пройдя на цыпочках через комнату, я спустилась по лестнице так, что ни одна ступенька не скрипнула, — результат длительной практики. В чистой, без единого пятнышка, кухне было темно. Ветер отирался об углы дома и бросался песком и пылью в окна. Скоро здесь будет вспышка, а затем появится устойчивый запах дыма.

Сквозь ромбовидные стекла кухонной двери не было видно ничего, кроме света фонаря над входом. Я стояла там: горло у меня саднило, а рука тянулась к дверной ручке и к мерцающему мягким золотистым отблеском рычажку засова. Всякий раз, когда порыв ветра вызывал во мне очередной всплеск напряжения, я отдергивала руку.

Он не придет. Затем возникала противоположная мысль — придет. Я верю! Не знаю, сколько времени я стояла там как дура, в своей измятой школьной одежде, прежде чем перед дверью не появилась тень. Внезапно. Призрачный силуэт в белой рубашке. Несмотря на искажение, создаваемое ромбовидными стеклами, я могла с уверенностью сказать, что это он.

Я потянулась к ручке двери. Снова отдернула руку и стояла там, охваченная дрожью, пока он ждал. Я не знала, сколько он сможет простоять, но, если бы я не открыла дверь, утром он ушел бы. Это точно.

Я знаю, что произошло бы, если бы я не открыла. Я бы ходила в школу. Потом в колледж. Работала бы до седьмого пота в надежде, что кто-нибудь из избранников бросит мне кость или две. А Гвинет рано или поздно перестанет нуждаться в моих прощениях. Она вернется к людям своего круга и забудет о моем существовании. Исчезнет убежище — дом, похожий на прекрасную морскую раковину, который я в фантазиях воображала своим.

Засов сдвинулся с места. Он не шевельнулся.

Я вся похолодела и одновременно покрылась испариной. Дверная ручка скользила у меня под пальцами, и я услышала чье-то тихое недовольное бормотание. Казалось невероятным услышать отсюда какие-либо звуки, издаваемые во сне Марисой или Гвин, но, по-моему, я их слышала.

Я повернула ручку и открыла дверь. Сразу ворвался ветер, наполненный пылью и запахом дыма. Я догадывалась, что пожары уже начались.

— Иди и жди меня в машине, — сказал он.

И вот я сижу в «джетте». В бардачке ничего нет, а наверху, на макушке холма, стоит совершенно темный дом. Фонарь над входом светил, но секунд через десять погас и он. Ветер слегка раскачивает автомобиль на его подвесках, облизывает краску на поверхности кузова и рисует бархатистые отпечатки своих пальцев на ветровом стекле.

На холме сверкнуло что-то белое.

Я вся дрожу. Моя школьная сумка послушно устроилась у моих ног на чистом коврикe. И все внутри пахнет новым автомобилем. Мне холодно, хотя температура в салоне — тридцать градусов, и в нем так же сухо, как у меня во рту.

Я не знаю, каков Джонни. Не могу сказать ни единого слова. Я даже не знаю, действительно ли он вернется в машину. Ко мне.

Сноп оранжевых искр там, на вершине холма, за одним из окон верхнего этажа. В комнате Гвинет, из которой открывается вид на полукруглую подъездную аллею и на ухоженную лужайку. Сноп становится ярче. Это не электрический свет. Что-то более старинное.

Если он будет спускаться по холму, я увижу его силуэт на фоне языков пламени. Мои пальцы, скользкие от пота, сплетены вместе. Проколотые ранки на шее горячие и влажные.

Я не уверена, что хочу увидеть, как он спускается по склону холма. Что я буду делать, если он не спустится? А если спустится?